

Андрей ФУРСЕНКО:

СОПОСТАВЛЯЙТЕ СВОЙ УСПЕХ С УСПЕХОМ СТРАНЫ

Какую роль в жизни обычного школьника играет министр образования и науки? Кто-то скажет: «Никакую». Кто-то обязательно вспомнит про единый экзамен или еще какое-нибудь новшество, о котором по-прежнему яростно спорят школьные учителя, родители, ректоры вузов. А кто-то заметит, что министра и ученика, скажем, маленькой сельской школы разделяет дистанция столь огромного размера, что о каком-либо взаимодействии между ними не стоит и говорить. Но это не так. И первоклассник, и выпускник школы, и педагог, и директор учебного заведения, и министр вовлечены в общую орбиту, имя которой — образование. От того, какое оно есть и каким будет, зависит абсолютно все в нашей стране: политика, экономика, культура, состояние армии. И, разумеется, жизнь каждого конкретного человека, то есть нас с вами. На страницах «Крыльев» мы обязательно расскажем о проблемах и перспективах развития средней, профессиональной и высшей школы. А сегодня просто знакомим вас с Министром образования и науки РФ Анд-

— Андрей Александрович, и предыдущему министру образования здорово доставалось от прессы. Но Вам достается гораздо больше. Причем, не только от журналистов. Публика, в том числе молодая, порой ведет себя по отношению к вам агрессивно: кидается

продуктами питания, топает ногами, свистит. Одна девушка попыталась даже рукоприкладствовать. Почему Вы, с виду такой доброжелательный и интеллигентный, вызываете столь бурную реакцию?

— Действительно, в начале выступлений в

больших аудиториях меня иногда воспринимают настороженно, чуть ли не в штыки. И причины такой настороженности понятны. Люди устали от перемен, от неустроенности, социальных и материальных потерь. От руководителя ждут решения проблем или, по крайней мере, обещаний.

Кроме того, и в образовании, и в науке до сих пор существует множество мифов, которые мне приходится опровергать. Это касается, например, мнения о высочайшем качестве образования в России, которое, к сожалению, таковым не является. Расставание с иллюзиями всегда болезненно и добрых чувств к разоблачителю не добавляет. Отсюда и агрессия.

Справедливости ради надо сказать, что острое столкновение бывает, как правило, в начале встречи. В результате открытой, пусть и весьма острой дискуссии мы приходим к взаимопониманию.

— Выступая перед молодежью, вы говорите: образование нужно человеку для того, чтобы стать успешным. А сами себя успешным человеком считаете?

— В общем, да. Несмотря на все сложности, негативные моменты, которые у меня как у всякого нормального человека случались, думаю, я успешный человек. Целей, которые перед собой ставил, я почти всегда достигал, хотя и не без труда.

— Ваш отец гуманитарий, известный историк, академик. Что в юности повлияло на вашу тягу к точным наукам? Вы ведь окончили математико-ме-

ханический факультет Ленинградского государственного университета, защищали докторскую диссертацию по вычислительной физике, были заместителем Жореса Алферова в Институте имени Иоффе.

— Во-первых, на выбор будущей профессии повлияли учителя. Если учителя настоящие, их роль в жизни учеников всегда огромна. Во-вторых, в нашей семье были не только гуманитарии. Дед — палеонтолог, одна из тетушек окончила матмех. Да и время было такое: «физики» были в почете. Было очень много популярных книг по физике. И сейчас помню «Занимательную физику» Перельмана, книжки Данина про ученых-физиков. Хотя история мне была не менее интересна. В рукописях читал все книги отца и даже делал критические замечания. Причём он выслушивал их со всей серьезностью, даже кое-что учитывал.

— Тогда в

Питере кто-то поступал в вуз по блату или за взятки?

— Тем, кто идет на точные науки, никакой блат не поможет: учиться там настолько трудно, что к диплому «выживают» не все, некоторые вылетают уже на первом курсе. Я поступал в год, когда между абитуриентами из-за двойного выпуска (сразу 10-го и 11-го классов — прим. автора) шла жестокая конкуренция. Сначала подал документы на математический факультет, но не добрал баллов. С большим трудом поступил на механику. Те вступительные экзамены оставили в памяти тяжелый след. Вообще никогда не любил сдавать экзамены. Иногда получал более низкий балл, чем тот, который от меня ждали преподаватели. Со временем все же научился преодолевать экзаменационные испытания.

ния.

И если на первых курсах учился на четверки и пятерки, то на старших — только на пятерки.

— Подрабатывали в студенческие годы?

— Ездил летом на стройки. На стипендию я, как сын обеспеченных родителей, в первые годы учебы рассчитывать не мог. Ее получали либо ребята из бедных семей, либо круглые отличники (таковым, как уже говорил, я стал не сразу). Дома мне выдавали тридцать рублей в месяц на студенческий проездной и завтраки и обеды в студенческой столовой. На все остальное должен был зарабатывать сам. Деньги, полученные после «трудовых будней» в стройотряде, казались огромными. Перед третьим курсом, отработав лето, первый раз в жизни пошли с братом и двумя приятелями в ресторан. Швейцар, смерив нас скептическим взглядом, предупредил: «Визит в заведение обойдется минимум в 10 рублей

на
че-
ловека».

Мы гордо

ответили, что эти

деньги у нас есть.

— Модничали, копили на джинсы, увлекались рок-музыкой?

— Первые джинсы мне привез из командировки отец, я ими страшно дорожил и носил, пока они окончательно не истерлись в прах. Первой моей «дубленкой» был шоферский тулуп, но тогда я уже работал. Что же о музыке, то вырос я на песнях Высоцкого, Галича, Визбора, Окуджавы и, может быть, менее знакомых нынешнему поколению бардов — Клячкина, Кукина, Генкина... Нас эти песни в прямом смысле слова воспитывали. С трудом воспринимаю попсу, в которой справа налево и слева направо перекладывается одна фраза. У бардов же были умные, ироничные, созвучные нашим мыслям тексты.

— А сейчас придаете значение одежде?

— Конечно. Это важная составляющая облика любого мужчины. Стараюсь выглядеть прилично, следить за собой. В выборе костюма, впрочем, я достаточно консервативен. Главное требование: он должен быть качественным и

удобным. А название фирмы-производителя не столь принципиально.

— Были у вас в детстве, юности непререкаемые авторитеты?

— Таковыми для меня всегда являлись мать и отец. Дома была строгая дисциплина, пороть нас с братом Сергеем (ныне Сергей Фурсенко — президент спортивного клуба «Зенит», — прим. автора), конечно, не пороли, но относились крайне требовательно. За что родителям великое спасибо.

На разных этапах жизни было несколько человек, сыгравших важную роль в моем становлении. Это школьный учитель математики Иосиф Борисович Липшиц, к сожалению, он умер сравнительно молодым. Когда мы оканчивали школу, Иосиф Борисович сказал, обращаясь к выпускному классу: «Талантов среди вас нет, есть способные ребята. Но при наличии трудолюбия и целеустремленности вы сможете кое-чего добиться». Я с ним полностью согласен: к жизненному успеху на 99 процентов приводят упорный труд и твердый характер. Мой учитель физики и классный руководитель — Борис Абрамович Пощеколдин — слава Богу, жив, недавно читал его интервью.

В более зрелом возрасте я был знаком с Юлием Борисовичем Харитоновым, до сих пор для меня это образец человека, научного руководителя, ученого, сделавшего невероятно много для страны и ее безопасности. Сейчас все о Харитоне знают, но, мне кажется, эта личность по достоинству все же не до конца оценена.

Я у многих людей учился,

в том числе у сверстников и тех, кто был моложе меня. И у первых своих студентов.

— **Вы, как я уже говорила, были заместителем директора Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе, нобелевского лауреата Жореса Алферова. Почему ушли оттуда?**

— В институте проработал больше 20 лет, считаю это одной из самых больших удач в своей жизни. Сейчас осталось мало таких научных коллективов — с очень яркими людьми, возможностью творческого общения между представителями разных научных направлений. Сохранение хотя бы части подобной атмосферы — вот дело, которым мы должны сегодня заниматься. К сожалению, нынешнее время отличается определенной индивидуализацией в науке. Она объяснима, но создает, мне кажется, стратегические проблемы, снижает нашу конкурентоспособность. И, конечно же, делает жизнь ученых менее интересной.

Я действительно был приглашен Жоресом Ивановичем на должность его зама, три с лишним года мы очень тесно работали вместе, многое сделали. Но потом возникли расхождения в понимании того, как дальше должна развиваться наука в Советском Союзе. Это не было личностным конфликтом. Молодая команда, которую взял к себе на работу Жорес Алферов, и в которую входил я, многое изменила в институте. Однако в какой-то момент стало очевидно, что изменения должны носить уже более принципиальный, качественный характер. Мы считали, что они необходимы, что их требует время, и другого варианта нет. Иначе мы потеряем в науке большую часть того, что имеем. Значительная часть ученого совета, Жорес

Иванович принадлежал к ней, не могла переступить через традиции и прежние подходы. На самом деле то, что мы тогда предлагали, сегодня кажется достаточно скромным. Нынче почти все научные институты перешли на введение системы контрактов, на выделение научного кадрового «ядра», которое должно обеспечиваться за счет бюджета. Другие сотрудники при такой системе зарабатывают за счет контрактов с промышленностью.

— **Нынешняя программа модернизации научных учреждений содержит все эти пункты...**

— Еще в конце 80-х годов мы предлагали создавать инновационные пояса вокруг академических институтов, чтобы небольшие фирмы, аналоги технопарков, занимались коммерциализацией институтских разработок. Усиление патентной службы, которая занималась бы интеллектуальной собственностью... Словом, был целый пакет предложений. Когда мы поняли, что ничего нам делать не дадут, то решили, что честнее будет уйти. Это был тяжелый момент и для нас, и для Жореса Ивановича, и для института.

Каждый выдвигал тогда свои аргументы, но при любом варианте хорошего решения той проблемы, которая встала перед советской, а потом российской наукой, не было. Мы выбирали между плохим и очень плохим. Думаю, если бы мы в конце 80-х — начале 90-х годов делали более радикальные шаги, нам бы удалось значительно лучше сохранить Институт им. Иоффе. Хотя без потерь все равно бы не обошлось.

— **Что такое, на Ваш взгляд, стиль высокопос-**

тавленного чиновника? Стиль его общения, например. Как следует поступать, если подчиненные не выполняют Ваших указаний?

— Я в любом случае, пытаюсь не приказывать, а убеждать человека, что и как он должен делать. Хотя могу сказать: порой люди гораздо лучше воспринимают административную манеру управления, им комфортнее получать жесткие команды.

— **В советские времена, если судить по старым фильмам, большой начальник обязательно стучал кулаком по столу, называл подчиненных на «ты» и использовал при этом народную лексику.**

— Не думаю, что в действительности все было именно так. Начальники и тогда были разные. Другое дело, что между высоким чиновником и простым «человеком с улицы» существовала фантастическая дистанция. Сейчас эта дистанция, к счастью, сильно сократилась.

— **Встречаетесь ли со школьными, студенческими друзьями?**

— К сожалению, нет. Многие моих давних приятелей я часто с теплом вспоминаю. Но на дружеские посиделки не хватает ни времени, ни сил. Мое окружение на 99 процентов — сослуживцы. Конечно, это не совсем здорово, но что поделать. Представьте мой график: из дома уезжаю часов в 8, возвращаюсь поздно. Суббота — рабочий день. Телевизор, за исключением новостей, не смотрю. После дня деловых встреч, выступлений, разговоров и споров хочется побыть в тишине. В общем — работа забирает целиком. Даже когда приезжаю в Питер, не всегда вижу с близкими родственниками. Но обязательно им звоню.

— Для подростка, молодого человека очень важно ощущение собственной необходимости миру, в котором он живет. Некоторые, увы, не нужны даже родителям. Как прорваться молодому человеку сквозь одиночество, равнодушие, как найти себя?

— Невостребованность — страшная вещь. От нее страдают не только дети из неблагополучных семей. У «благополучных» родителей, занятых исключительно карьерой или накоплением капитала, ребенок тоже может чувствовать себя глубоко несчастным. В сегодняшнем обществе это проявляется острее, чем, скажем, 20–30 лет назад. Тогда ценности были другие, и социальному выравниванию уделялось больше внимания. Школа, общение с учителями и одноклассниками давали очень много. Мы часто ходили в походы. Жизнь в экстремальных условиях воспитывала ответственность, чувство локтя. Попробовал бы кто-то не помыть котелок после привала! Даже самая грязная работа выполнялась с удовольствием.

Сегодня, мне кажется, молодое поколение более инфантильно. Ребята, за редким исключением, не нацелены на самостоятельный успех. Ушли амбиции. В советское время, когда вся страна участвовала в осуществлении грандиозных планов, к этому волевыми усилиями подключались и молодые. Сверхзадачи, которые ставились перед народом, были самоценны. Освоение целины влияло даже на тех, кто к целине не имел никакого отношения, кто ехать туда не собирался. Масштаб происходящего заражал всех. Сейчас общество стало прагматичным.

— У нынешнего поколения несколько другая психология.

— В чем-то оно право: нельзя все время жить будущим, нужно жить и настоящим. Но для успеха очень важно в учебе или выбранном деле тянуться вверх на пределе своих возможностей. Раньше, когда действовали пионерские, комсомольские организации, любой подросток мог заниматься общественной работой, она «вытаскивала» его на новый уровень. Кстати сказать, не так много было формализма в этих организациях, как об этом сейчас говорят. Формализмом грешили высшие эшелоны, в нижних же — шла реальная работа — от сбора металлолома до студенческих стройотрядов. Думаю, государство и сегодня обязано предоставить подросткам, юношеству возможность проявить себя. И еще крайне важно, чтобы молодые люди все время сопоставляли свой успех с успехом страны. Звучит, может быть, немного высокопарно, но гордость за страну — это великое дело. Когда на Олимпиаде в честь победившего спортсмена играют российский гимн, даже отъявленные скептики и циники из числа болельщиков встают и как-то внутренне подбираются, чувствуя себя в этот миг частью огромного сообщества, которое называется Россия.

Кстати, когда в недалеком прошлом кому-то вручали почетные грамоты и вешали их портреты на доску почета, это не было профформой, какие бы шуточки окружающие по этому поводу ни отпускали. В глубине души каждый отмеченный и награжденный этим гордился. Ведь успех для большинства нормальных людей подразумевает не только материальные блага,

но и общественное признание. Даже если в группе сверстников становишься лидером, это тебя поднимает в собственных глазах.

— В Вашей речи всегда много цитат из русской классики, древних и не столь древних философов. У вас феноменальная память или это «домашние заготовки»?

— Стихов я раньше знал великое множество, потому что запоминал их мгновенно. Может, мне что-то передалось от бабушки, у которой была феноменальная память: она в преклонном возрасте могла прочесть наизусть всего «Евгения Онегина».

— Поняла, что на отдых, не считая отпуска, у Вас остается только один день: воскресенье. Как проводите свободное время?

— В воскресенье, если нет срочной работы, гуляю с собакой, читаю, иногда просто отсыпаюсь. По возможности занимаюсь спортом. Раза четыре за зиму удается съездить на дачу под Питером, покататься на снегоходе. Летом стараюсь побольше плавать. Недавно начал играть в гольф. У него есть одно преимущество: он подходит для любого возраста. Впрочем, когда я начал им увлекаться, вдруг заболели суставы. Заподозрил у себя чуть ли не остеопороз или другую болезнь, но один умный профессор с улыбкой успокоил: «Молодой человек, это проблема не ваших костей, а проблема вашей техники игры в гольф».

— Дружите с «братьями нашими меньшими»?

— Один из главных обитателей нашей квартиры — симпатичный рыжий терьер. Полное его имя — Виллор Милбокс. С людьми весьма